

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА НА ПАГУОШСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Аннотация

Статья представляет собой анализ архивных документов, касающихся переговоров американского дипломата и эксперта в области международных отношений Генри Киссинджера (1923–2023) на Пагуошских конференциях. В статье публикуется несколько копий архивных документов, которые открывают ранее малоизвестные аспекты деятельности Г. Киссинджера на Пагуошских конференциях, его подходы к отстаиванию интересов США при участии ученых и экспертов.

В статье также рассматривается исторический контекст возникновения Пагуошского движения ученых. В заключении поднимаются вопросы о роли науки для дипломатии и необходимости продолжения диалога между учеными и политиками в условиях глобальных угроз.

Ключевые слова: история научной дипломатии, Г. Киссинджер, Пагуошские конференции, архивные документы.

Автор

Горохов Андрей Анатольевич

Главный редактор журнала «Русская политология»,
кандидат политических наук
(Москва, Россия)

Актуальность настоящей статьи обусловлена несколькими ключевыми аспектами, которые подчеркивают значимость исследования архивных документов, связанных с Г. Киссинджером и Пагуошскими конференциями по науке и мировым проблемам.

Во-первых, Г. Киссинджер, как один из наиболее влиятельных дипломатов XX века, оставил заметный след в истории международных отношений. Его подходы к дипломатии и взаимодействию с научным сообществом на Пагуошских конференциях помогают понять реальные механизмы научной дипломатии США.

Во-вторых, Пагуошское движение ученых, объединяющее ученых и экспертов из разных стран, стало важной платформой для обсуждения глобальных угроз и научных подходов к их ре-

шению. Анализ архивных документов позволяет выявить, как институты научной дипломатии, такие как Пагуошские конференции, могут оказывать влияние на решение международных конфликтов.

В-третьих, в условиях современных геополитических вызовов необходимо анализировать опыт прошлого, так как этот опыт может быть применен для решения современных глобальных и региональных проблем.

Основной целью статьи является публикация и анализ ранее секретных документов о переговорах Г. Киссинджера на Пагуошских конференциях.

Методы исследования: документальный анализ — исследование архивных материалов для анализа подходов и стратегий Г. Киссинджера на Пагуошских конференциях; исторический метод — рассмотрение исторического

контекста формирования Пагуошского движения ученых; интерпретация данных — анализ полученных данных с точки зрения современных вызовов в области международных отношений и научной дипломатии.

Об истории возникновения и развития Пагуошских конференций написано достаточно обстоятельно многими исследователями как в России, так и за рубежом. Например, сервис Litmaps для построения интерактивных карт источников по запросу «Пагуошские конференции» выдает 14 300 источников, по запросу «Пагуошские конференции и Г. Киссинджер» — 1 220 источников.

Среди исследований Пагуошских конференций можно выделить коллективную монографию «Наука, (анти)коммунизм и дипломатия: Пагуошские конференции по науке и мировым делам в начале холодной войны» [34]¹, публикации Илизарова С.С. [7], Рыжова Ю.А. и Лебедева М.А. [18], Виноградовой Л.Д. [2], С. Никерсон [31] и других.

При исследовании истории научной дипломатии большое значение имеют воспоминания непосредственных участников Пагуошских конференций, так как именно мемуары позволяют реконструировать реальные технологии и практики ученых для решения международных проблем и конфликтов. В этом контексте большое значение имеют воспоминания ученых и дипломатов, участников Пагуошских конференций: Сэра Джозефа Ротблата (1908–2005) [33], Евгения Максимовича Примакова (1929–2015) [13], Генри Киссинджера (1923–2023) [29], а также академика Георгия Аркадьевича Арбатова (1923–2010) [6]. Также для реконструкции исторического контекста большую роль имеют воспоминания Альберта Эйнштейна (1879–1955) [25, 26], Петра Леонидовича Капицы (1894–1984) [8],

Бруно Максимовича Понтекорво (1913–1993) [12], Лауры Ферми (1907–1977) [21] и других.

Еще один блок источников — это архивные документы, которые хранятся в Архиве Российской академии наук, Российском государственном архиве новейшей истории, в Архиве национальной безопасности (The National Security Archive) и в библиотеке Техасского университета в Остине (University of Texas at Austin).

Несмотря на разнообразие источников нет полноценного исследования, в котором бы рассматривались и анализировались ранее секретные документы, которые были подготовлены Г. Киссинджером для политического руководства США по итогам Пагуошских конференций. Данная статья восполняет данный пробел, помогая, таким образом, реконструировать реальную историю Пагуошских конференций и научную дипломатию США в период холодной войны.

Прежде чем обратиться непосредственно к архивным документам, проанализируем исторический контекст создания Пагуошского движения ученых.

Некоторые исторические вехи и исторический контекст создания Пагуошского движения ученых и Пагуошских конференций

Завершение Второй мировой войны в 1945 году ознаменовалось использованием США атомной бомбы против Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 года). Жертвами трагедии стали свыше 450 тысяч человек [23]. Это событие продемонстрировало разрушительную силу ядерного оружия и вызвало глобальные опасения по поводу его использования в будущем, а также поставило вопрос об ответственности ученых.

Ученые, которые занимались созданием атомной бомбы в США, по-

¹ Исследование опубликовано на английском языке «Science, (Anti-)Communism and Diplomacy: The Pugwash Conferences on Science and World Affairs in the Early Cold War», 2019.

разному отреагировали на бомбардировку японских городов Хиросима и Нагасаки. Лаура Ферми, жена итальянского и американского физика Энрико Ферми¹ (1901–1954), который работал в США над созданием атомного оружия, вспоминала о реакции ученых из Лос-Аламоса²: «Одни успокаивали себя тем, что бомба ускорила окончание войны и этим полностью компенсировала разрушение Хиросимы и Нагасаки. Другие говорили себе, что все зло в подстрекательстве к войне, а не в том, что создано новое оружие. А кое-кто приходил к заключению, что нельзя было создавать атомную бомбу; ученым следовало прекратить работу, как только они увидели, что бомба осуществима. Энрико находил это умозаключение неразумным. Наука идет вперед, и бесполезно пытаться ее остановить» [21, с. 300–301].

После бомбардировки Хиросимы один из журналистов сообщил новость Альберту Эйнштейну (1879–1955). Ученый был поражен, даже переспросил: «Вы это серьезно, молодой человек?» А затем кратко прокомментировал: «Ах! Мир к этому не готов» [36, р. 169]. Позже он скажет: «Если бы я знал, что немцам не удастся создать атомную бомбу, я бы ничего не сделал для создания этой бомбы» [36, р. 169]. Ученый понимал огромные риски, которые принесло атомное оружие миру: «Высвободившаяся сила атома изменила все, кроме нашего образа мышления, и, таким образом, мы движемся к беспрецедентной катастрофе» [36, р. 169].

В эссе «О моем участии в проекте создания атомной бомбы», опубликованном в японском журнале *Kaizo* в 1952 году, А. Эйнштейн заметил: «Мое

участие в создании атомной бомбы заключалось в одном действии: я подписал письмо президенту Рузвельту. В этом письме подчеркивалась необходимость крупномасштабных экспериментов для выяснения возможности создания атомной бомбы. Я хорошо осознавал ужасную опасность для всего человечества, если эти эксперименты увенчаются успехом. Но вероятность того, что немцы могут работать над этой самой проблемой с хорошими шансами на успех, побудила меня пойти на этот шаг. Другого выхода я не видел, хотя всегда был убежденным пацифистом. Убивать во время войны, мне кажется, ничуть не лучше обычного убийства» [25].

Ученые отреагировали на применение ядерного оружия против японских городов преимущественно негативно, но в то же время необходимо отметить участие некоторых из них в принятии такого решения. Итальянский и советский физик Бруно Максимович Понтекорво (1913–1993) утверждал, что «ряд дальновидных ученых США во главе с Лео Сцилардом и лауреатом Нобелевской премии Дж. Франком обратились к правительству США с настоятельной просьбой не использовать это ужасное оружие в военных операциях, но, к сожалению, трое видных ученых, входивших в состав правительственного совета по ядерным делам, Лоуренс, Оппенгеймер и Ферми, рекомендовали использование атомной бомбы в войне против Японии. Это факт, но, конечно, не ими была определена трагическая судьба Хиросимы; все было предreshено военными кругами США» [12, с. 91].

После бомбардировки Хиросимы и Нагасаки перед учеными возникла новая, более сложная задача — как не допустить атомной катастрофы. Надо заметить, что ученые еще до применения США атомного оружия в Японии предлагали свои инициативы по регулированию нового вида атомного оружия.

¹ Энрико Ферми — итальянский и американский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (1938). Был одним из научных руководителей «Манхэттенского проекта» и руководил созданием первого в мире ядерного реактора в 1942 году в Чикаго.

² Лос-Аламос — место, где была создана первая в истории ядерная бомба.

Советский и российский дипломат, один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия Роланд Михайлович Тимербаев (1927–2019) утверждал, что в декабре 1943 года Нильс Бор¹ (1885–1962) первым предложил «идею установления эффективного международного контроля над атомным оружием» [20, с. 216]. Его предложение не было поддержано лидерами Англии и США, более того, в совместной записке Уинстона Черчилля (1874–1965) и Франклина Делано Рузвельта (1882–1945) было предложено «провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, чтобы убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно русским» [35]. Идея была поддержана А. Эйнштейном, который предложил Н. Бору совместно с американским физиком Артуром Комптоном (1892–1962), ученым советником У. Черчилля Фредериком Линдеманном (1886–1957), Петром Леонидовичем Капицей (1894–1984) и Абрамом Федоровичем Иоффе (1880–1960) оказать влияние на политиков и создать международный контроль над атомным оружием. Однако учитывая, что лидеры США и Англии предложили провести расследование инициатив Н. Бора, ученый не поддержал предложение А. Эйнштейна, ссылаясь на то, что английские и американские лидеры понимают риски, которое несет атомное оружие [28, р. 268–269].

За международный контроль над ядерным вооружением также высказывалась Лаура Ферми: «Мы — самая цивилизованная нация², мы возглавим мир, подадим пример доброй воли и доверия, и тогда все последуют за нами, все страны откроют двери международной контрольной организации

и передадут свой суверенитет мировому правительству!» [21, с. 302]. Именно такую позицию разделили «Общество ученых Лос-Аламоса»³ и «Федерация американских ученых»⁴.

Помимо трагических событий в Японии необходимо отметить еще несколько факторов, которые несли огромные

³ «Ассоциация ученых Лос-Аламоса» была основана 30 августа 1945 года группой ученых, работавших над созданием атомной бомбы. В организационном манифесте было заявлено, что ее целью является «содействие достижению и использованию научно-технических достижений в наилучших интересах человечества». Далее ученые признали, что они, «в силу своих специальных знаний, несут в определенных сферах особую политическую и социальную ответственность, выходящую за рамки их обязательств как отдельных граждан». Ассоциация считала, что сможет выполнять эти обязанности, информируя своих членов, «и предоставляя форум, через который их взгляды могут быть публично и авторитетно выражены». Ассоциация сосредоточила свою деятельность главным образом на содействии международному контролю над атомной энергией и направлении ее использования в мирных целях. Она также занималась общественным продвижением науки, в основном посредством федерального законодательства, а также защитой свободы и добросовестности ученых и научных исследований. Группа провела программу просвещения общественности о природе атомной энергии и контроле над ней посредством лекций, фильмов и выставок, а также распространения литературы. Она пыталась повлиять на государственную политику с помощью авторитетных заявлений для прессы и переписки с высокопоставленными правительственными чиновниками и конгрессменами (см.: Guide to the Association of Los Alamos Scientists Records 1945–1948 — Режим доступа: <https://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.ALAS>). В Библиотеке Чикагского университета хранятся документы «Ассоциация ученых Лос-Аламоса» с 1945 по 1948 годы.

⁴ Федерация американских ученых была основана в ноябре 1945 года группой ученых и инженеров, входящих в число тех, кто работал над Манхэттенским проектом, а также тех, кто работал в Ок-Ридже и Лос-Аламосе. Целью группы была агитация за международный контроль над атомной энергией и ее приверженность мирному использованию, общественное продвижение науки, а также за свободу и честность ученых и научных исследований (см.: <https://fas.org/>). Первым председателем Федерации стал американский физик Уильям Хигинботам (1910–1994).

¹ Нильс Бор — датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922).

² Лаура Ферми в 1944 году стала гражданкой США.

риски для человечества: во-первых, это разработка и создание еще более мощного оружия — термоядерного, а во-вторых, увеличение количества испытаний атомного оружия в атмосфере, что вело к негативным экологическим последствиям.

29 августа 1949 года Советский Союз испытал на Семипалатинском полигоне атомную бомбу, но это не остановило представителей американской политической элиты создать более мощное оружие — термоядерную бомбу. Многие ученые стали осознавать, что ядерная гонка может привести к гибели человеческой цивилизации.

12 февраля 1950 года в Принстоне А. Эйнштейн выступил в телевизионной программе, посвященной проблемам термоядерного оружия. Великий ученый очень точно обозначил риски для человечества: «Водородная бомба возникает в общественном сознании как вполне вероятная, достижимая цель. Президент [США] торжественно объявил о ее ускоренном создании. Если это произойдет, то она приведет к радиоактивному заражению атмосферы и связанному с этим уничтожению всего живого на Земле в пределах ее технических возможностей. Развитие происходит незаметно. Каждый шаг представляется неминуемым следствием предыдущих. **А в результате нам всем все отчетливее светит общее уничтожение**» [26, с. 520].

В Советском Союзе ученые также понимали все риски от применения термоядерного оружия. 1 апреля 1954 г. руководитель Министерства среднего машиностроения СССР¹ Вячеслав Александрович Малышев² направил Никите

¹ Министерство среднего машиностроения СССР отвечало за развитие атомной и ракетной промышленности.

² Малышев В.А. (1902–1957) — генерал-полковник инженерно-технической службы. В 1939–1957 гг. — народный комиссар (министр) машиностроительных отраслей промышленности, куратор производства по разделению изотопов урана.

Сергеевичу Хрущеву проект статьи под заголовком «Опасности атомной войны и предложение президента Эйзенхауэра» [1, с. 163–167], которую предлагалось опубликовать в открытой печати. Статья была написана советскими академиками, которые занимались атомным проектом в СССР: Игорем Васильевичем Курчатовым³, Абрамом Исааковичем Алихановым⁴, Исааком Константиновичем Кикоином⁵ и Александром Павловичем Виноградовым⁶.

В этой статье академики описали угрозу, которую несет ядерное оружие — уничтожение человеческой цивилизации: «Помимо разрушающего действия атомных и водородных бомб, человечеству, вовлеченному в атомную войну, угрожает и еще одна опасность — отравление атмосферы и поверхности земного шара радиоактивными веществами, образующимися при ядерных взрывах. Эти радиоактивные вещества в виде мельчайших частичек и газов поднимаются силой взрыва вместе с пылью на сравнительно большую высоту и далее рассеиваются ветром по всей земной атмосфере. Затем эти радиоактивные вещества с дождем, снегом и пылью оседают на

³ Курчатов И.В. (1903–1960) — физик, основатель и научный руководитель атомного проекта Советского Союза. Академик АН СССР (1943). В 1943 г. основал и возглавил Лабораторию № 2 АН СССР, которая впоследствии выросла в Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова (в настоящее время — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»).

⁴ Алиханов А.И. (1904–1970) — физик, один из создателей первой советской атомной бомбы, основатель Института теоретической и экспериментальной физики. Академик АН СССР (1943).

⁵ Кикоин И.К. (1908–1984) — физик, академик АН СССР (1953). Под научным руководством Кикоина в 1950-е годы в СССР была создана мощная газодиффузионная разделительная промышленность, полностью обеспечивающая потребности страны в обогащенном уране.

⁶ Виноградов А.П. (1895–1975) — геохимик, один из руководителей работ по проблемам урана. Академик АН СССР (1953), вице-президент АН СССР (1975–1986).

поверхность земли, производя ее заражение.

Так, в результате испытания водородной бомбы, произведенного США 1 марта этого года в Тихом океане, были поражены радиоактивным веществом японские рыбаки, а потребление рыбы, зараженной радиоактивностью, привело к заболеваниям среди населения Японии.

Уже теперь, когда на земле произведено всего несколько десятков опытных взрывов атомных и водородных бомб, общая радиоактивность верхних слоев земли ощутимо повысилась. Происходит заражение и водных бассейнов.

Расчеты показывают, что при использовании в случае войны уже имеющихся сейчас запасов атомного оружия создадутся на значительной части поверхности земли биологически вредные для жизни людей и растений дозы излучений и концентрации радиоактивных веществ. Но темпы роста производства атомных взрывчатых веществ таковы, что уже через несколько лет накопленных запасов атомных взрывчатых веществ будет достаточно для того, чтобы создать невозможные для жизни условия на всем Земном шаре.

Взрыв около ста больших водородных бомб приведет к тому же.

Конечно, нельзя рассчитывать на какое-либо приспособление организмов и, прежде всего, человека к высокой радиоактивности земли, поскольку такое приспособление к изменению условий существования организмов идет длительным эволюционным путем.

Таким образом, нельзя не признать, что **над человечеством нависла огромная угроза прекращения всей жизни на земле** [1, с. 164].

В результате можно констатировать, что в первой половине 50-ых годов XX века у ученых сложилось единое мнение о том, что применение атомного оружия и испытания такого оружия

в атмосфере может привести к исчезновению разумной жизни на земле.

Поэтому в 1955 году, когда был озвучен Манифест «Рассела — Эйнштейна»¹ (именно от этого Манифеста ведет свою историю Пагуошское движение ученых), многие ведущие ученые как на Западе, так и в СССР, посчитали своей задачей предотвратить ядерную катастрофу, ведущую к уничтожению человечества. В Советском Союзе в поддержку усилий Бертрانا Рассела (1872–1970) выступили видные ученые, в том числе Петр Леонидович Капица (1894–1984). В своей статье, которая была опубликована в журнале «Новое время» в сентябре 1956 года, П.Л. Капица отметил следующее: «Передовая часть всего человечества не должна жалеть ни сил, ни энергии, чтобы бороться с возможностью возникновения атомной войны.

<...>

Найти общественные и государственные мероприятия, которые смогут полностью оградить человечество от атомной войны, — очень трудная задача. Успешное ее решение может быть найдено только путем свободного и искреннего обсуждения в широких интернациональных рамках. Решение этой задачи усложняется еще тем, что в нее входят, кроме научных, еще политические и социальные элементы. Поэтому такая работа требует тесного сотрудничества ученых и общественных деятелей. К сожалению, подобное сотрудничество еще не вошло в традиции решения государственных вопросов. Мне думается, что в данном случае ученым не следует ограничиваться только научной стороной вопроса, но необходимо также вмешиваться в социальную и политическую стороны проблемы. Если при этом будет проявляться некоторый дилетантизм, то

---

¹ Манифест Рассела — Эйнштейна, опубликованный 9 июля 1955 года, призывал к проведению конференции ученых для оценки опасности оружия массового уничтожения.

СССР. Москва. 1-й секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев (справа) и американский промышленник Итон Сайрус с супругой (сидит) во время встречи в Кремле. Слева — переводчик Виктор Суходрев / Фотохроника ТАСС / Дата съемки: 05.02.1964 @ИТАР-ТАСС

этого не следует бояться, так как мало найдется людей, которые могли бы глубоко охватить все стороны такого сложного вопроса» [8, с. 390–391].

Отметим, что П.Л. Капица приглашался на конференцию, которая изначально планировалась в Индии, а не в Канаде. В архиве сохранилось пригласительное письмо от 18 октября 1956 г. за подписью Бертрانا Расселла [16, л. 125–127]. Официальная версия гласит, что П.Л. Капица не принял участие, так как КГБ СССР не дал согласия на поездку. В архиве сохранилась записка от 24 ноября 1956 г. за подписью заместителя заведующего отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС Н. Глаголева, в которой отмечалось: «Вопрос о возможности поездки П.Л. Капицы в Индию уже рассматривался в 1956 г. в ЦК КПСС и был решен отрицательно в связи с возражениями Комитета го-

сударственной безопасности. Поездку П.Л. Капицы в Индию считаем нецелесообразной» [16, л. 129]. Подоплека такого решения заключалась в опасении, что П.Л. Капица может поделиться со своими зарубежными коллегами секретными военными разработками СССР. Об этом свидетельствуют воспоминания Н.С. Хрущева: «Мы обменялись [мнениями] в руководстве и решили все-таки воздержаться от посылки Капицы за границу. Мы тогда находились на таком предельном уровне в смысле атомных вооружений, который требовал большой секретности — какое количество у нас этого оружия. Поэтому мы не хотели, чтобы наши противники узнали об этом как-то косвенно. А у нас не было уверенности, что Капица в разговоре своем не проговорится с учеными, среди которых у Капицы много знакомых за границей.

СССР. Москва. Американский общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайрус Итон и председатель Советского Пагуошского комитета, вице-президент Академии наук СССР, академик М.Д. Миллионщиков обмениваются рукопожатиями во время встречи на Шереметьевском аэродроме. Автор: Преображенский Сергей / Фотохроника ТАСС / Дата съемки: 01.06.1968 @ИТАР-ТАСС

Поэтому мы отказались выдать разрешение на поездку» [22, с. 221].

При этом необходимо отметить, что Пагуошское движение стало возможным именно благодаря содействию со стороны бизнес-сообщества. Первая встреча сообщества прошла при поддержке крупного американского и канадского предпринимателя Сайруса Итона (1883–1979) на его родине в Пагуоше (Новая Шотландия, Канада) 7–11 июля 1957 г. И этот момент необходимо учитывать при развитии современных форм научной дипломатии. Взаимодействие представителей науки, бизнеса и государства — это три необходимых элемента для развития научной дипломатии.

Например, в Российском государственном архиве новейшей истории имеется документ «О предложении С. Итона о приобретении нами газеты

или телепрограммы в США для распространения правдивой информации о Советском Союзе» [17, л. 54–57], в котором раскрывается и анализируется предложение С. Итона, высказанное им в 1962 г., о покупке советским руководством американского телевизионного канала и газеты, чтобы с их помощью донести до американского общества позицию советской стороны. Конечно, это предложение было несколько утопичным, но показывает стремление представителя западного бизнес-сообщества развивать коммуникацию между СССР и США.

Именно благодаря участникам Пагуошских конференций 5 августа 1963 г. в Москве был подписан «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой» (известен как Московский договор).

Геополитические стратегии и атомное оружие

Несмотря на то что физики обозначили риски исчезновения человеческой цивилизации при применении атомного оружия, не все отрицали возможность применения такого оружия для достижения геополитических целей. Например, Генри Киссинджер, работая в Гарварде, написал книгу «Ядерное оружие и внешняя политика» (1957) [9], в которой отметил следующее: «Все планирование, закупка военных материалов, исследовательская работа и усовершенствования в нашей системе обороны строятся вокруг ядерного оружия. Следовательно, решение воздерживаться от его применения отдаст Евразию на милость советского блока, по крайней мере на тот промежуток времени, пока мы будем перестраивать наше военное планирование и менять оснащение наших вооруженных сил» [9, с. 254]. И еще один тезис от Генри Киссинджера: «Ограниченная ядерная война сама по себе не гарантирует успеха, но в ней наилучшим образом проявились бы социальные, технические и психологические преимущества Соединенных Штатов. В связи с вышесказанным на ум приходит следующий знакомый довод: если ограниченная ядерная война выгодна нам, значит она невыгодна Советам...» [9, с. 462].

Исходя из таких представлений Г. Киссинджер считал, что советские ученые и политики выступают против применения ядерного оружия не из объективных и гуманистических причин — сохранении человеческой цивилизации, а в пропагандистских целях не допустить американской гегемонии: «Советское руководство, не будучи в состоянии изменить в ближайшее время сложившуюся обстановку, пошло по пути подрыва нашей готовности применить атомное оружие и развернуло всемирную кампанию за запрещение этого оружия... Кремль хладнокровно, как если бы не существовало никаких

других точек зрения, кроме его собственной, используя все имеющиеся у него средства и организации, стал энергично обрабатывать свое и мировое общественное мнение по трем связанным между собой направлениям. Одно из них сводилось к тому, что поражающие способности ядерного оружия сильно переоцениваются; такая установка должна была показать миру, что СССР сохраняет превосходство по основным видам мощи. Второе направление пропаганды было рассчитано на то, чтобы доказать, что ядерное оружие, хотя и не имеет решающего значения, является особым средством запугивания и потому должно быть запрещено. С помощью дипломатических нот, мирных конгрессов, резолюций и открытой пропаганды организаторы этой кампании стремились парализовать нашу решимость к применению самого могущественного оружия. Третьим направлением, подчиненным двум первым, было утверждение, что единственно законным применением атома является его мирное использование и в этой области СССР готов показать пример. Эта политика, укреплявшая прежние советские позиции, давала вместе с тем толчок советскому мирному наступлению и оказывалась довольно привлекательной для стран, не связанных никакими обязательствами» [9, с. 421–422].

Также необходимо обратить внимание на следующий тезис Г. Киссинджера: «Вообще же умение устранять опасности в атомный век будет зависеть от нашей способности правильно сочетать объективные и субъективные факторы, от выбора наиболее целесообразной и не парализующей нашу волю системы вооружения, а также от **разработки такой стратегии, которая позволит нам переложить ответственность за свои действия на противную сторону**» [9, с. 113]. Этот тезис представляется актуальным и сегодня, особенно для анализа и прогнозирования военно-

политических и внешнеполитических действий США в современном мире. Особенно учитывая, что Г. Киссинджер продолжительное время оказывал влияние на разработку и реализацию внешней политики США.

По сути, мы видим, что в 1940-е и 1950-е годы сложилось несколько направлений по отношению к атомному оружию и научным знаниям об атомном оружии среди западных ученых.

Первое — научные знания об атомном оружии укрепляют мировое лидерство США. Знания не должны быть доступны другим странам, особенно СССР (Киссинджер). Это направление не предполагало никакого сотрудничества ученых, наоборот, в этой парадигме ученые подвергались жесткому контролю со стороны специальных служб, которое не все выдерживали физически. Известен факт, когда в США сотрудник, задействованный в атомной лаборатории в Ок-Ридже, сошел с ума от постоянной слежки контрразведки [10, с. 13–14].

Второе — необходимо создать новые международные институты, которые позволят осуществлять международный контроль над атомным вооружением (Бор, Эйнштейн, Рассел). В этом направлении стало зарождаться понимание, что необходимы новые формы сотрудничества ученых из разных стран для недопущения применения ядерного оружия. В рамках этого направления сформировалась новая миссия ученых — с помощью научного знания оказать влияние на политиков и не допустить применение атомного оружия в конфликтах.

Третье — необходимо передать знания об атомном оружии СССР для быстрого создания атомного паритета и недопущения применения ядерного оружия против Советского Союза (Клаус Фукс¹). Это направление

завершило свое развитие с созданием атомного оружия советскими учеными.

Нам представляется интересным проанализировать участие Г. Киссинджера в Пагуошских конференциях, так как содержание его работы «Ядерное оружие и внешняя политика» не отражала того духа, который присутствовал в манифесте «Рассела — Эйнштейна». А участники Пагуошского движения своей деятельностью показывали, что несмотря на все противоречия, разногласия между Востоком и Западом не должны привести к ядерному апокалипсису, а международные конфликты не должны решаться силой оружия.

Научная дипломатия и национальные интересы: пример Генри Киссинджера

В 1960 г. в США сенатский подкомитет по вопросам внутренней безопасности, возглавляемый сенатором Джозефом Доддом (1907–1971), подготовил и опубликовал доклад о Пагуошском движении и его участниках.

Авторы этого доклада во введении написали: «Советский ученый знает по собственному печальному опыту, что всякий раз, когда возникает конфликт между научной объективностью и коммунистической догмой, именно научная объективность должна уступить».

Ученый из свободного мира приходит на встречу с советскими учеными с открытым сердцем, полным доверия и желанием общаться и сотрудничать. Ученый-коммунист приходит на эти конференции с тщательно сформулированными политическими директивами. Его долг — попытаться сформировать конференцию и использовать ее таким образом, который наилучшим образом послужит целям советского империализма» [11, л. 10].

разведке ценную информацию по конструкции и технологии американской атомной бомбы, благодаря которой существенно сократились сроки ее создания в СССР.

¹ Клаус Фукс (1911–1988) — немецкий физик-теоретик, антифашист, активный участник атомного проекта США. Передал советской

Были ли у советских участников Пагуошских конференций директивы? Да, были. И это подтверждают архивные материалы. Например, «Директивные указания [Президиума АН СССР] советским делегатам В.Я. Аболтину¹ и В.С. Емельянову², участвующим в симпозиуме и заседании рабочей группы по вопросам европейской безопасности Пагуошского движения в Марианских Лазнях 13–18 мая 1968 г.» [4].

Но неужели американские ученые не отстаивали национальные интересы, в том числе в рамках Пагуошских конференций? Безусловно, отстаивали. И этому также есть подтверждения среди архивных документов.

Помимо сенатского доклада о Пагуошских конференциях в США специальными службами готовились и закрытые документы. В протоколе совещания сотрудников секретариата Государственного департамента США от 12 октября 1964 года отмечается следующее: «SCI³ и INR⁴ могли бы подготовить отчет

¹ Аболтин Владимир Яковлевич (1899–1978) — советский дипломат, военный разведчик, ученый-востоковед и экономист. При создании Института мировой экономики и международных отношений Академии Наук СССР был назначен заместителем директора по научной работе (1955–1975) и более года (1965–1966) исполнял обязанности директора.

² Емельянов Василий Семенович (1901–1988) — советский ученый, дипломат и государственный деятель, профессор, член-корреспондент АН СССР. В 1960–1962 гг. — председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по использованию атомной энергии. С 1966 г. — председатель Комиссии по научным проблемам разоружения АН СССР.

³ SCI — это подразделение национальной разведки США, которое засекречено. SCI — это своего рода конфиденциальная информация в Соединенных Штатах, которая генерируется с помощью важных разведывательных агентств, процедур или прогрессивного развития. Также SCI — это разновидность секретной разведывательной информации, распространение которой ограничено из-за связанных с этим серьезных и предполагаемых угроз безопасности.

⁴ Бюро разведки и исследований (INR — The Bureau of Intelligence and Research) — разведывательное агентство при Государственном департаменте США. Его основная миссия заключается

о самой последней Пагуошской конференции, которая заняла позиции, расходящиеся с политикой США, например, о MLF⁵, чтобы выяснить, используются ли наши ученые таким образом, чтобы склонить нас изменить наше официальное отношение к этим конференциям. Г-н Крецманн⁶ (SCI) сказал, что такой отчет был подготовлен, сейчас печатается» [27]. Не удалось в открытых источниках найти отчет, о котором упоминал Крецманн, но обнаружилось иные данные, свидетельствующие о том, что американские ученые, активно сотрудничающие с государственным департаментом США и спецслужбами, отстаивали интересы США на Пагуошских конференциях, особенно в период войны США во Вьетнаме.

Война во Вьетнаме — это один из эпизодов холодной войны, которая длилась с 1960 по 1975 годы. По оценкам экспертов в конфликте во Вьетнаме погибло 3,8 миллиона человек [32], из которых американская армия потеряла свыше 60 тысяч человек убитыми, а также свыше 300 тысяч ранеными [3]. Соответственно, оставшиеся — это безвозвратные потери вьетнамского народа.

Решение конфликта было темой многих Пагуошских конференций. Но до сих пор мало известно, какие инициативы и усилия предпринимали участники Пагуошских конференций для решения этого конфликта.

в предоставлении разведанных и анализа всех источников в поддержку дипломатии и внешней политики США.

⁵ Многосторонние силы (MLF) — американское предложение создать флот из подводных лодок и военных кораблей, каждый из которых укомплектован международным персоналом НАТО и вооружен несколькими баллистическими ракетами с ядерным вооружением. Предложение было выдвинуто администрациями Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона. Инициативе противостояла Великобритания, она исчезла в середине 1960-х годов и никогда не была принята.

⁶ Вероятно, Эдвин М. Дж. Крецманн (Edwin M. J. Kretzmann) — советник по связям с общественностью Государственного департамента США.

Генри Киссинджер, профессор Гарвардского университета, и Пол Доти, профессор химии Гарварда, на Пагуошской конференции 1966 г. в Сопоте, Польша. Изображение из документов Пола М. Доти, находящихся в Гарвардском университете (Paul M. Doty Papers, box 52; courtesy of Harvard University Archives)

Начнем с двух цитат.

Первая — из газеты *The New York Times*: «Когда Хо Ши Мин, лидер Северного Вьетнама, приехал в Париж в 1946 г. для переговоров о независимости, он остановился в доме г-на Обрака, объяснив, что ему не хватало бы сада, если бы он остановился в отеле. В 1967 г., как позже широко сообщалось, Соединенные Штаты тайно завербовали Обрака для поездки в Ханой для переговоров по соглашению о прекращении войны во Вьетнаме. Ему это не удалось, но соглашение, подобное тому, которое он помог разработать, привело к мирным переговорам» [24].

И вторая цитата из воспоминаний Генри Киссинджера: «Почти случайно у меня была возможность наблюдать — и сыграть свою роль в — отчаянных усилиях президента Джонсона найти выход из войны. Летом 1967 года я

присутствовал на одной из так называемых Пагуошских конференций ученых, занимавшихся вопросами ядерного разоружения. Два участника, которые слышали о моих поездках в Индокитай, обратились ко мне с тем, что показалось им интригующим предложением. Раймонд Обрак, сотрудник Всемирной организации здравоохранения, познакомился с Хо Ши Мином в 1946 г., когда лидер вьетнамских коммунистов останавливался в его доме в Париже во время переговоров с Францией. Обрак предложил посетить Ханой в сопровождении коллеги-ученого Герберта Марковича, чтобы лично обратиться к Хо Ши Мину по вопросу переговоров. Я проинформировал Уильяма Банди, помощника госсекретаря, и министра обороны Макнамару. Они одобрили этот визит при условии, что оба ученых путешествовали в частном качестве и не претендовали на то, чтобы представлять официальные американские взгляды» [29].

Как видно, в сообщении из газеты *The New York Times* не упоминается ни роль Пагуошских конференций, ни роль Киссинджера в решении военного конфликта. Но что еще делал Киссинджер на Пагуошских конференциях? Какие действия предпринимал? В поисках архивных материалов о Пагуошских конференциях мы нашли ряд документов, которые дословно описывают инициативы американского дипломата и разведчика Киссинджера в 1960-е годы.

Например, в отчете Г. Киссинджера от 23 сентября 1966 г., в котором описывается Пагуошская конференция и ее вьетнамская резолюция, а также позиция СССР в отношении политики США во Вьетнаме [14], очень точно описано, как Г. Киссинджеру удалось повлиять на содержание резолюции по итогам встречи на выгодную для США. Вот несколько выдержек из этого отчета¹:

¹ Перевод отчета осуществлен автором статьи, в оригинале документ написан на английском. Перевод отчета Г. Киссинджера в полном

«Чтобы понять нижеследующий рассказ, важно помнить, что подавляющее большинство участников Конференции выступало против политики США во Вьетнаме и что значительное большинство американской группы разделяло эту точку зрения. <...>

(3) На пленарном заседании 15 сентября доклад Рабочей группы в дополнение к преамбуле, описанной в пункте (2), содержал рекомендации, чтобы иностранные войска были выведены и «народ Вьетнама был свободен определять свою собственную судьбу». По моему предложению Шеп Стоун¹ предложил заменить «иностранцы» на «войска из-за пределов Южного Вьетнама» и добавить фразу «как Северный, так и Южный» к призыву к самоопределению. Этому усиленно сопротивлялись Советы.

Миллионщиков², председательствовавший на заседании, призвал Рабочую

объеме прилагаем к данной статье — см. Приложение № 1.

¹ Шепард Стоун (1908–1990) — американский журналист, историк, дипломат. В годы Второй мировой войны участвовал в разведывательной работе. С 1954 по 1968 г. был директором департамента международных отношений Фонда Форда. Благодаря своей работе в Фонде Форда Шепард Стоун спонсировал Конгресс за свободу культуры (CCF) с офисами в 35 странах. Основные финансовые ресурсы CCF поступали от ЦРУ через Фонд Форда. С 1967 по 1974 г. был президентом Международной ассоциации за культурную свободу. Был участником многих из Бильдербергских и Пагуошских конференций.

² Миллионщиков Михаил Дмитриевич (1913–1973) — советский ученый, организатор науки и международного научного сотрудничества, специалист в области аэрогидродинамики, прикладной физики и ядерной энергетики. Вице-президент АН СССР (1962–1973), Председатель Верховного Совета РСФСР (1967–1973). Один из основоположников реакторостроения в СССР. Научный руководитель программы по созданию ядерных энергетических установок космического назначения в СССР. Являлся научным руководителем работ по созданию первого в мире ядерного реактора-преобразователя «Ромашка». Эта установка, преобразующая ядерную энергию в электрическую, была введена в строй в 1964 г. Президент Пагуошского движения ученых в 1968–1969 гг.

группу добавить больше эмоций в свой отчет и осудить действия США. Я вмешался, чтобы оспорить ассигнования председателя, дающего инструкции Рабочей группе ученых быть более эмоциональными.

(4) На пленарном заседании 16 сентября отчет Рабочей группы не содержал поправок Стоуна: я поставил вопрос об этом. Советы сопротивлялись.

Однако было так много неопределенности, что было решено сообщить, что Конференция не смогла прийти к согласию «ни по причинам войны во Вьетнаме, ни по средствам борьбы с ней» [14]. (Отчет Киссинджера от 23 сентября 1966 г. публикуем в полном объеме в приложении к данной статье — см. Приложение № 1).

Также Киссинджер использовал Пагуошские конференции для получения важной военной и политической информации, которая доходила вплоть до президента США. Например, в этом отношении очень важна телеграмма от 19 мая 1968 г. посла США в Чехословакии Джейкоба Динли Бима (1908–1993), передающая информацию от Киссинджера, которую он получил во время переговоров на Пагуошской конференции в Чехословакии [19]. В этой телеграмме (перевод текста этой телеграммы в полном объеме также прилагаем к данной статье — см. Приложение № 2) Киссинджер в том числе сообщал:

«Подчеркивая чрезвычайно деликатный характер информации, представитель Коммунистической партии в составе советской делегации на «Пагуошской» встрече в Марианске-Лазне сказал Генри Киссинджеру следующее:

30 апреля министр иностранных дел СССР и министр обороны СССР направили в Центральный комитет партии совместную записку с рекомендацией провести переговоры с США по вопросу ПРО и стратегическим вооружениям, согласованный проект сообщения на

СССР. Москва. Государственный секретарь Соединенных Штатов Америки, советник президента США по национальной безопасности Генри Альфред Киссинджер и Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев во время встречи в Кремле. Автор: Владимир Мусаэльян / Фотохроника ТАСС / Дата съемки: 20.10.1973 @ИТАР-ТАСС

ту же тему исследовательской группы Доти¹ в США был отменен 8 мая.

Информатор Киссинджера полагал, что начало переговоров по Вьетнаму в Париже имеет отношение к проблеме, и не смог предсказать ее окончательное решение» [19].

Данная информация от Генри Киссинджера после его встречи на Пагуошской конференции в Чехословакии была передана в записке советника

¹ Пол М. Доти (1920–2011, Paul Mead Doty) — американский биохимик. Интерес Доти к международным отношениям и деятельности, направленной на предотвращение ядерной войны, проявился во время учебы в аспирантуре Колумбийского университета по химии, где он работал над Манхэттенским проектом. В 1973 г. основал в Гарварде Центр науки и международных отношений для проведения анализа в области контроля над вооружениями и уменьшения ядерной угрозы.

президента США по национальной безопасности Уолта Уитмена Росту (1916–2003) президенту США Линдону Джонсону (1908–1973). Перевод этой записки приводим в полном объеме (см. Приложение № 3):

«Понедельник, 20 мая 1968 года, 11:15 утра.

Секретно/конфиденциально
Господин президент:

Генри Киссинджер на Пагуошской встрече в Чехословакии сообщает:

– Министр иностранных дел Чехословакии настроен оптимистично в отношении переговоров в Париже²;

² 15 марта 1968 г. в Париже начались переговоры между Вьетнамом и США, которые завершились 27 января 1973 г. подписанием Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме (Парижское соглашение).

– Советский чиновник говорит, что министр обороны СССР — а также Громыко — рекомендовали провести переговоры по стратегическим вооружениям с США 30 апреля, решение каким-то образом связано с переговорами в Париже.

У. У. Ростоу» [5].

Также у исследователей есть возможность ознакомиться с отчетом о переговорах Генри Киссинджера относительно усилий Чехословакии побудить Ханой быть более гибким в переговорах от 23 сентября 1966 года [15].

В этом отчете отмечается, что Генри Киссинджер во время Пагуошской конференции в Сопоте¹ наиболее активно пытался помешать попыткам Советской делегации добиться тотального осуждения Соединенных Штатов в войне во Вьетнаме. При этом, со слов Киссинджера, чешская группа по какой-то причине больше всего стремилась добиться рекомендации для группы нейтральных ученых посетить Сайгон и Ханой. На такое предложение Киссинджер ответил: «Не буду возражать против этого предложения при условии, что он [секретарь чехословацкой делегации] поможет добиться принятия резолюции, которая была бы «объективной» и не была бы против Соединенных Штатов» [15]. Условие было достигнуто: «Он выполнил свою часть сделки, согласовав со мной различные проекты заявлений и в целом используя свое влияние для подготовки заявления, которое оказалось настолько слабым, что было неприемлемо для Советов. Результатом стало то, что конференция заявила, что она не достигает единого соглашения по Вьетнаму» [15].

Исходя из отчетов Киссинджера, предпринимали шаги и вели диалог по прекращению войны во Вьетнаме с представителями США следующие

¹ Шестнадцатая Пагуошская конференция ученых «Разоружение и международная безопасность в Европе» (г. Сопот, Польша) состоялась 11–16 сентября 1966 г.

чехословацкие ученые: академик Иван Малек², Антонин Шнейдарек³, а также министр иностранных дел Чехословакии Иржи Гаек⁴. При этом Киссинджер составил в отношении Шнейдарека следующий комментарий: «Шнейдарек был главой чешской военной миссии в Германии в конце сороковых годов. Он отвечал за операции чешской разведки в Германии в начале пятидесятых годов [далее несколько слов зачеркнуто⁵]. Сейчас он возглавляет Институт мировой политики, который находится непосредственно в ведении Центрального комитета Коммунистической партии, и является членом внешнеполитической «коллегии» Совета министров Чехословакии» [15].

Отчет о беседе Г. Киссинджера со Шнейдареком мы публикуем в полном объеме в виде приложения (см. Приложение № 4) к настоящей статье как на английском (электронные копии документов), так и на русском языке (перевод документов).

Выводы

Генри Киссинджер, являясь одним из ключевых дипломатов XX века, сформировал уникальные подходы к ди-

² Иван Малек (1909–1994) — чехословацкий микробиолог. В 1945 году совершил научную поездку в США и Канаду. В 1962 г. был избран директором Института микробиологии Чехословакии и проработал в нем вплоть до 1970 года. На XII съезде Коммунистической партии Чехословакии в 1962 году избран в ЦК КПЧ, переизбран на XIII съезде.

³ Антонин Шнейдарек — директор Института международной политики и экономики в Праге.

⁴ Иржи Гаек (1913–1993) — чехословацкий государственный и политический деятель. В 1955–1958 гг. был послом в Великобритании, в 1958–1962 гг. — заместитель министра иностранных дел, а в 1962–1965 гг. представлял Чехословакию в Организации Объединенных Наций. С 1965 по 1968 г. он был министром образования. С апреля по сентябрь 1968 года занимал пост министра иностранных дел.

⁵ Вероятно, при рассекречивании документа американские специалисты посчитали, что какая-то информация о персонаже до сих пор имеет статус секретной.

пломатии, которые включали активное неформальное взаимодействие с научным сообществом. Его участие в Пагуошских конференциях иллюстрирует, как научная дипломатия может влиять на формирование внешней политики. Киссинджер, по сути, использовал свои связи с учеными для получения экспертной оценки, а также конфиденциальной информации для обоснования внешнеполитических решений и информирования политического руководства. Опыт Киссинджера показывает реальный механизм научной дипломатии — тесное взаимодействие ученых, политиков и государственных деятелей для решения внешнеполитических вопросов.

Пагуошские конференции стали важной платформой для обсуждения глобальных угроз, таких как ядерная угроза и другие проблемы безопасности. Они способствовали диалогу между учеными и политиками, создавая пространство для обмена мнениями. Анализ архивных документов показывает, что Киссинджер использовал эту платформу не только для обмена идеями, но и для получения критической информации и защиты интересов США. Это необходимо учитывать при развитии институтов научной дипломатии в XXI веке, а именно — предполагать, что ученые в рамках научной дипломатии прежде всего отстаивают интересы своих государств. И этот подход необходимо учитывать и не впадать в иллюзию, что ученые имеют наднациональные и глобальные интересы. Пример Киссинджера показывает, что в рамках научной дипломатии он прежде всего отстаивал интересы США.

В то же время научная дипломатия и сотрудничество между странами становятся ключевыми факторами в поиске эффективных решений для обеспечения международной безопасности и устойчивого развития в XXI веке.

Автор данной статьи планировал направить Г. Киссинджеру письмо, в котором хотел попросить его прокомментировать обнаруженные архивные документы, а также предложить поделиться воспоминаниями о его деятельности на Пагуошских конференциях. Но, к большому сожалению, 29 ноября 2023 г. Киссинджер скончался в своем доме в Коннектикуте в возрасте 100 лет. Принесим соболезнования родным и близким. Попробуем обратиться к родственникам и наследникам Г. Киссинджера с просьбой поделиться или опубликовать документы, которые имеют отношение к Пагуошским конференциям, возможно, в рамках налаживания сотрудничества между российскими и американскими исследователями. Тем более что в одном из своих последних интервью Г. Киссинджер заявил, что «сейчас самая большая трудность в отношениях с Россией заключается в том, что мы не слышим, что она думает, потому что диалога с Россией вообще нет» [30]. Развитие научной дипломатии, в том числе и по вопросам изучения исторических тем, является тем инструментом, который может способствовать восстановлению российско-американского диалога, который необходим всему миру для снижения геополитической напряженности, особенно в условиях мирного сосуществования ядерных держав и развития многополярного мира.

Приложение № 1

Отчет Генри Киссинджера, описывающий Пагуошскую конференцию и ее вьетнамскую резолюцию, в том числе позицию СССР в отношении политики США во Вьетнаме (на 2 листах)

(Источник: The University of Texas at Austin. Collections: Box 180 National Security File Security File Czechoslovakia, folder 003, doc 047, lbjdoc027b)

WPG - werken
27/8

FOR OFFICIAL USE ONLY

MEMORANDUM September 23, 1966

SUBJECT: Vietnam Resolution at the Pugwash Conference

FROM: Henry A. Kissinger

In order to understand the following recital it is important to remember that the overwhelming majority of the Conference opposed the U.S. policy on Vietnam and that a substantial majority of the American group shared this view.

(1) On September 13th there was a plenary session devoted entirely to Vietnam. In intemperate, highly emotional language, the Soviet delegation demanded an across-the-board condemnation of the U.S. The Soviet harangues took well over an hour. They were supported with much less intensity by the East Europeans. On the American side there were only three speakers: Steve Muller called for negotiations. Betty Lall asked the Soviets to act as mediators and for her pains was viciously attacked by Emilyanov. I spoke about factual inaccuracies in the Soviet presentation and said that if this was indeed the mood in Moscow peace was impossible. I also said that the emotional character of the Soviet presentation was inappropriate for a scientific conference. Just before adjournment Bentley Glass supported my position.

(2) On September 14th, Nemeo, the Secretary of the Czech Pugwash Committee and convener (i. e. drafter) of the Working Group preparing the Vietnam resolution, asked my view about a recommendation that a study group of neutral scientists

PRESERVATION COPY

(FOR OFFICIAL USE ONLY)

- 2 -

visit Saigon and Hanoi. I said I would support this provided the rest of the resolution did not load the dice against the U.S. After consultation with Shulman and Mrs. Lall--the American members of the Working Group--it was decided to include the criticisms of U.S. policy as the view of "some" while also listing counterarguments as the view of "others". Nemeck kept his side of the bargain loyally throughout.

(3) At the plenary session on September 15th the report of the Working Group in addition to the preamble described under (2) contained recommendations that foreign troops be withdrawn and the "people of Vietnam be free to determine their own fate." At my suggestion, Shep Stone moved to amend foreign to "troops from outside South Vietnam" and to add the phrase "both North and South" to the plea for self-determination. This was strenuously resisted by the Soviets. Millionshikov, who chaired the session, urged the Working Group to add more emotion to their report and to condemn the U.S. I intervened to challenge the appropriations of the chairman instructing Working Groups and of a group of scientists being asked to be emotional.

(4) At the plenary session on September 16th, the Working Group report did not contain the Stone amendment. I made an issue of it. The Soviets resisted. There was so much uncertainty, however, that it was decided to report that the Conference could agree "neither on the causes of the war in Vietnam nor on the means to deal with it."

PRESERVATION COPY

Перевод

ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ОТЧЕТ

23 сентября 1966 г.

ТЕМА: Резолюция по Вьетнаму на Пагуошской конференции

ОТ: Генри А. Киссинджера

Чтобы понять нижеследующий рассказ, важно помнить, что подавляющее большинство участников Конференции выступало против политики США во Вьетнаме и что значительное большинство американской группы разделяло эту точку зрения.

(1) 13 сентября состоялось пленарное заседание, полностью посвященное Вьетнаму. В несдержанных, крайне эмоциональных выражениях советская делегация потребовала всестороннего осуждения США. Советские речи заняли больше часа. Восточные европейцы поддерживали их с гораздо меньшей интенсивностью. С американской стороны выступало всего три оратора: Стив Мюллер¹ призвал к переговорам. Бетти Лалл² обратилась к Советам с просьбой выступить в качестве посредников и за свои старания подверглась злобным нападкам со стороны Емельянова. Я говорил о фактических неточностях в советской презентации и сказал, что если бы в Москве действительно были такие настроения, то мир был бы невозможен. Я также сказал, что эмоциональный характер советской презентации неуместен для научной конференции. Незадолго до перерыва Бентли Гласс³ поддержал мою позицию.

(2) 14 сентября Немец, секретарь чешского Пагуошского комитета и организатор (то есть составитель) Рабочей группы по подготовке резолюции по Вьетнаму, поинтересовался моим мнением о рекомендации исследовательской группе нейтральных ученых посетить Сайгон и Ханой. Я сказал, что я за: я бы поддержал это при условии, что остальная часть резолюции не будет направлена против США. После консультаций с Шульманом⁴ и миссис Лалл — американскими членами Рабочей группы — было решено включить критику политики США в качестве

---

¹ Стивен Мюллер (1927–2013) — в 1954–1955 гг. был доцентом политологии в Хаверфордском колледже и доцентом кафедры государственного управления в Корнельском университете. Также являлся вице-президентом по связям с общественностью Корнельского университета. С 1972 по 1990 г. был президентом Университета Джона Хопкинса.

² Бетти Лалл — научный сотрудник Центра международных исследований Корнельского университета. Являлась специальным помощником заместителя директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (с 1961 по 1963 год); специальный помощник советника президента США по вопросам разоружения (1961 год); и штатный директор Подкомитета Сената по международным отношениям по разоружению (1956–1961).

³ Бентли Глас (1906–2005) — американский генетик. С 1947 по 1952 г. преподавал в Университете Дж. Хопкинса. В 1952 г. был избран профессором Университета Дж. Хопкинса и проработал вплоть до 1965 г. В 1965 г. избран на должность профессора Университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Бруке и проработал в данной должности вплоть до 1990-х годов. В 1953 г. — редактор журнала Science. В 1954–1956 гг. — президент Американского института биологических наук. В 1965–1971 гг. — вице-президент Национальной академии наук США.

⁴ Маршалл Шульман (1916–2007) — американский ученый-политолог (советолог) и государственный деятель, дипломат. Основатель Института изучения СССР при Колумбийском университете. С 1949 по 1953 г. Шульман, специализировавшийся на политических процессах в Советском союзе, работал в Госдепартаменте США. Три года занимал пост советника по особым вопросам главы американского внешнеполитического ведомства. После ухода с госслужбы, Шульман принимал активное участие в американско-советской «неформальной дипломатии», целью которой было расширение контактов между представителями научной и творческой интеллигенции двух стран. Посетил СССР 40 раз.

точки зрения «некоторых», а также перечислить контраргументы как точку зрения «других». Немец все это время добросовестно выполнял свою часть сделки.

(3) На пленарном заседании 15 сентября доклад Рабочей группы в дополнение к преамбуле, описанной в пункте (2), содержал рекомендации, чтобы иностранные войска были выведены и «народ Вьетнама был свободен определять свою собственную судьбу». По моему предложению Шеп Стоун¹ предложил заменить «иностранцы» на «войска из-за пределов Южного Вьетнама» и добавить фразу «как Северный, так и Южный» к призыву к самоопределению. Этому усиленно сопротивлялись Советы.

Миллионщиков², председательствовавший на заседании, призвал Рабочую группу добавить больше эмоций в свой отчет и осудить действия США. Я вмешался, чтобы оспорить ассигнования председателя, дающего инструкции Рабочей группе ученых быть более эмоциональными.

(4) На пленарном заседании 16 сентября отчет Рабочей группы не содержал поправок Стоуна: я поставил вопрос об этом. Советы сопротивлялись.

Однако было так много неопределенности, что было решено сообщить, что Конференция не смогла прийти к согласию «ни по причинам войны во Вьетнаме, ни по средствам борьбы с ней».

---

¹ Шепард Стоун (1908–1990) — американский журналист, историк, дипломат. В годы Второй мировой войны участвовал в разведывательной работе. С 1954 по 1968 г. был директором департамента международных отношений Фонда Форда. Благодаря своей работе в Фонде Форда Шепард Стоун спонсировал Конгресс за свободу культуры (CCF) с офисами в 35 странах. Основные финансовые ресурсы CCF поступали от ЦРУ через Фонд Форда. С 1967 по 1974 г. был президентом Международной ассоциации за культурную свободу. Был участником многих из Бильдербергских и Пагуошских конференций.

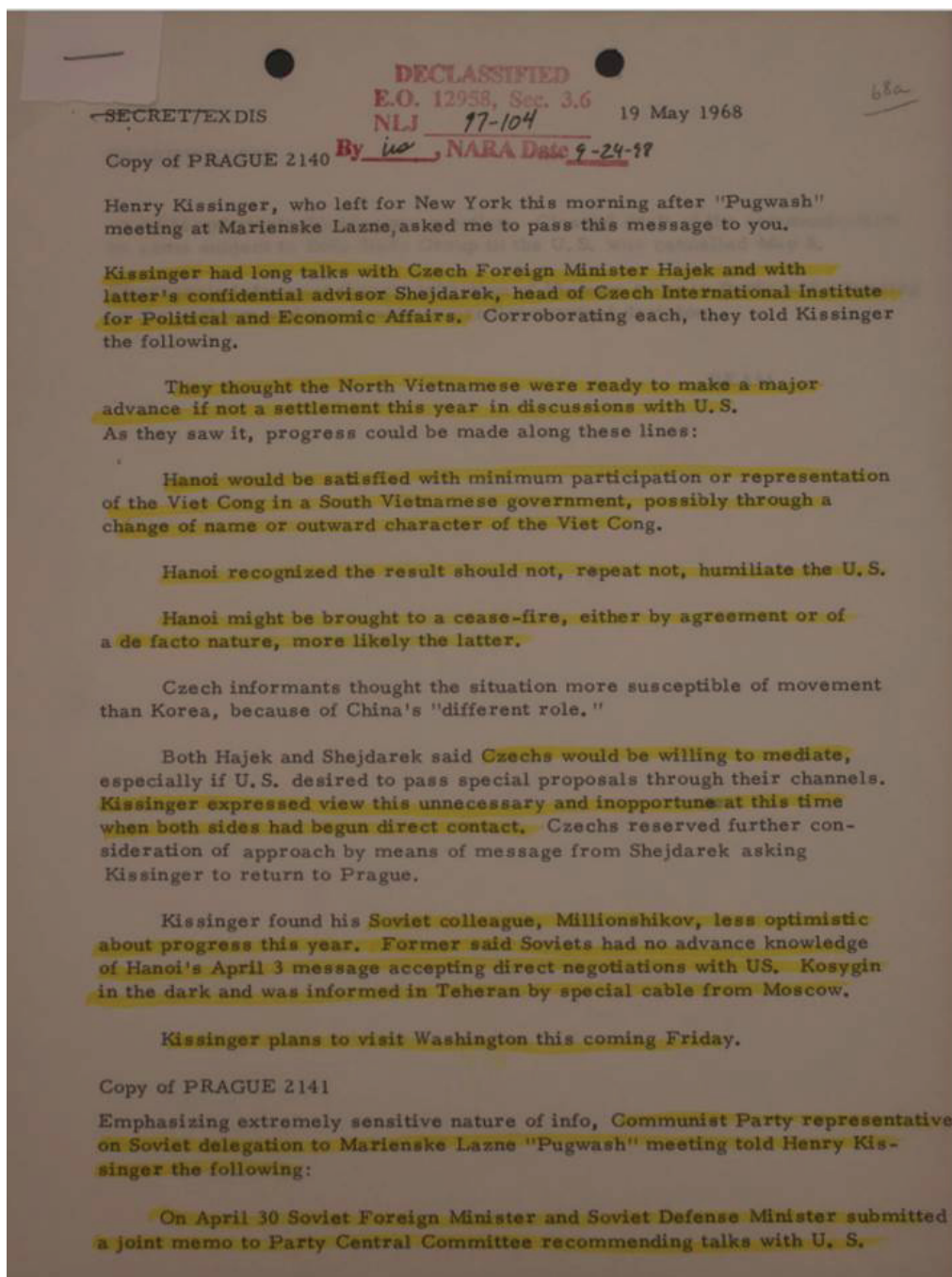
² Миллионщиков Михаил Дмитриевич (1913–1973) — советский ученый, организатор науки и международного научного сотрудничества, специалист в области аэрогидродинамики, прикладной физики и ядерной энергетики. Вице-президент АН СССР (1962–1973), Председатель Верховного Совета РСФСР (1967–1973). Один из основоположников реакторостроения в СССР. Научный руководитель программы по созданию ядерных энергетических установок космического назначения в СССР. Являлся научным руководителем работ по созданию первого в мире ядерного реактора-преобразователя «Ромашка». Эта установка, преобразующая ядерную энергию в электрическую, была введена в строй в 1964 г. Президент Пагуошского движения ученых в 1968–1969 гг.

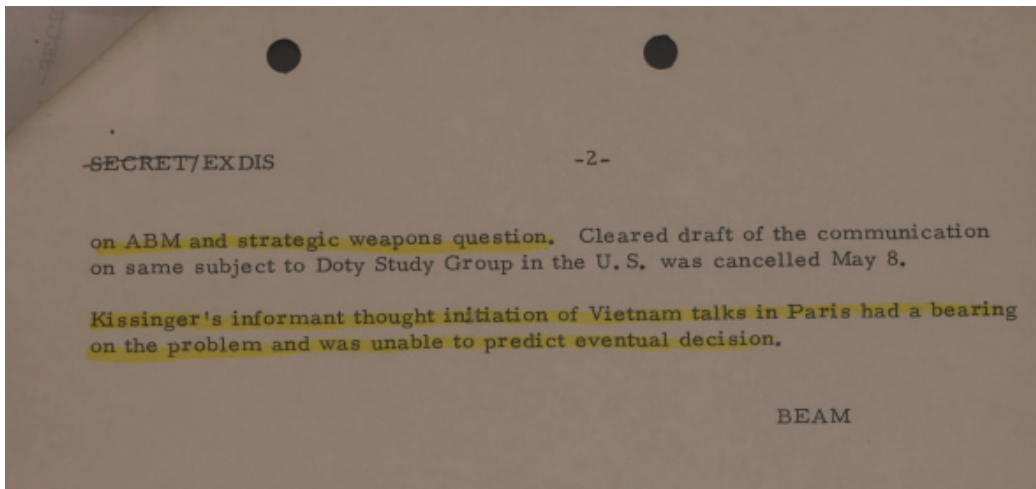
Приложение № 2

СОХРАНЯЮЩАЯ КОПИЯ

Телеграмма посла США в Чехословакии Джейкоба Динли Бима,
передающая информацию от Киссинджера, полученную им во время переговоров
на Пагуошской конференции в Чехословакии

(Источник: The University of Texas at Austin. Collections: box 179, folder 006, doc 011, lbj068a)

Перевод

19 мая 1968 года

Копия ПРАГА 2140

Генри Киссинджер, который сегодня утром отбыл в Нью-Йорк после «Пагуошской» встречи в Марианске-Лазне, попросил меня передать вам это сообщение.

Киссинджер провел длительные переговоры с министром иностранных дел Чехии Гаком и с доверенным советником последнего Шнейдареком, главой Чешского международного института политических и экономических вопросов. Подтверждая каждого, они сообщили Киссинджеру следующее.

Они думали, что северовьетнамцы готовы к большому прогрессу, если даже не урегулированию, в переговорах с США уже в этом году.

По их мнению, в этом направлении можно было бы добиться прогресса:

Ханой был бы удовлетворен минимальным участием или представительством Вьетконга в правительстве Южного Вьетнама, возможно, путем изменения названия или внешнего облика Вьетконга.

Ханой бы признал, что результат не должен, повторяю, не должен унижать США.

Ханой может быть принужден к прекращению огня либо по соглашению, либо де-факто, что более вероятно.

Чешские информаторы считали, что ситуация больше поддается подвижкам, чем ситуация в Корее, из-за иной роли Китая.

И Гак, и Шнейдарек заявили, что чехи были бы готовы выступить посредниками, особенно если США пожелают передать специальные предложения по своим каналам.

Киссинджер выразил мнение, что это не нужно и неблагоприятно в то время, когда обе стороны начали прямые контакты, чехи отложили дальнейшее рассмотрение посредством сообщения от Шнейдарека с просьбой Киссинджеру вернуться в Прагу.

Киссинджер застал своего советского коллегу Миллионщикова менее оптимистичным в отношении прогресса в этом году, который сказал, что Советы заранее ничего не знали из послания Ханоя от 3 апреля о согласии на прямые переговоры с США. Косыгин находился в неведении и был проинформирован в Тегеране специальной телеграммой из Москвы.

Киссинджер планирует посетить Вашингтон в ближайшую пятницу.

Копия ПРАГА 2141

Подчеркивая чрезвычайно деликатный характер информации, представитель Коммунистической партии в составе советской делегации на «Пагуошской» встрече в Марианске-Лазне сказал Генри Киссинджеру следующее:

30 апреля министр иностранных дел СССР и министр обороны СССР направили в Центральный комитет партии совместную записку с рекомендацией провести переговоры с США по вопросу ПРО и стратегическим вооружениям, согласованный проект сообщения на ту же тему исследовательской группе Доти в США был отменен 8 мая.

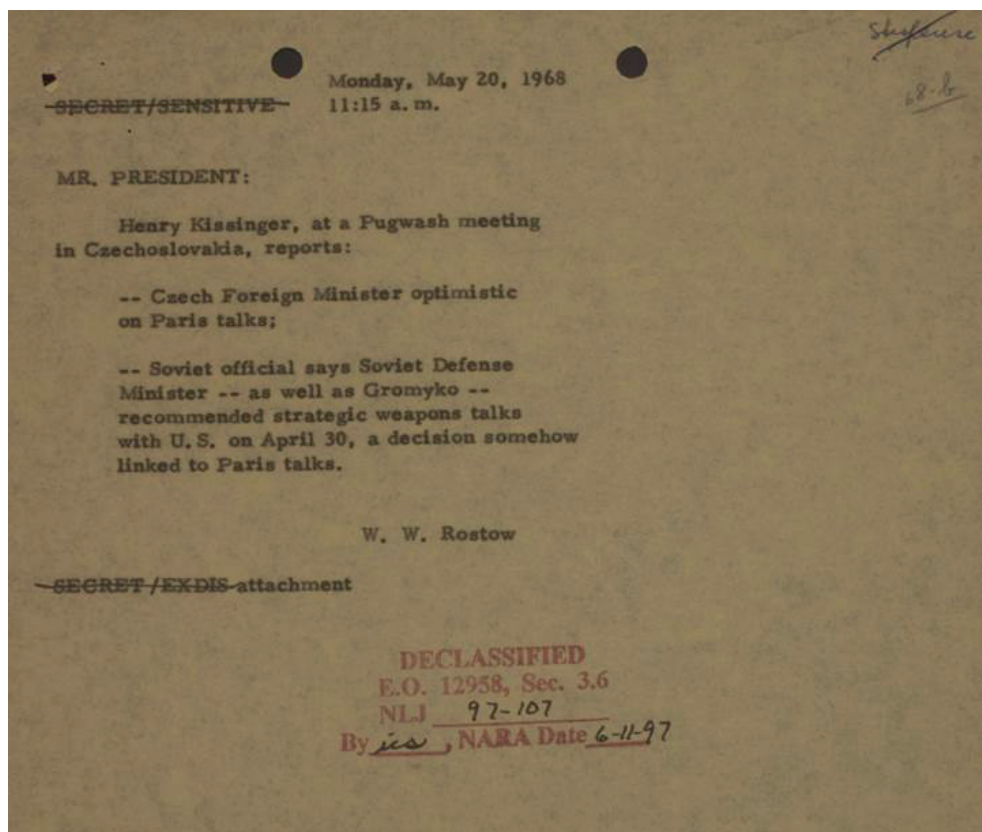
Информатор Киссинджера полагал, что начало переговоров по Вьетнаму в Париже имеет отношение к проблеме, и не смог предсказать ее окончательное решение.

Бим¹.

Приложение № 3

Записка советника президента США по национальной безопасности Уолта Уитмена Ростоу президенту США Линдону Джонсону с ключевыми тезисами доклада Генри Киссинджера после встречи на Пагуошской конференции в Чехословакии

(Источник: The University of Texas at Austin. Collections: Box 179 National Security File Security File Czechoslovakia, folder 006, doc 012, lbj068b)

¹ Джейкоб Динли Бим (1908–1993, Jacob Duneley Beam) — американский дипломат. Эксперт по вопросам европейской политики. С 1966 по 1969 год служил послом США в Чехословакии. 14 марта 1969 года Бим был назначен послом США в Советском Союзе.

Приложение № 4

Отчет о переговорах Генри Киссинджера относительно усилий Чехословакии побудить Ханой быть более гибким в переговорах (на 7 листах)

(Источник: The University of Texas at Austin. Collections: Box 179 National Security File Security File Czechoslovakia, folder 002, doc 042, lbjdoc098)

HAKissinger:fjmcc
(Drafting Office and Officer)

~~SECRET-NODIS~~

DEPARTMENT OF STATE

Memorandum of Conversation

DATE: September 23, 1966

SUBJECT: Czech Efforts to Induce Hanoi to be More Flexible on Negotiations

PARTICIPANTS: A. Snejdarek, Director, Czech Institute of International Affairs, Prague. July 19-20, 1966
Henry A. Kissinger, Professor of Government, Harvard University

COPIES

The conversation came about in the following manner: During the Pugwash Conference at Sopot, I had been the member of the U.S. delegation most active in attempting to thwart the attempts of the Soviet delegation to obtain an all-out condemnation of the United States. The Czech group for some reason was most eager to bring about a recommendation for a fact-finding body of neutral scientists to visit Saigon and Hanoi. I told their secretary that I would not oppose this proposal provided he helped secure a resolution which was "objective" and did not load the dice against the United States prior to the investigation. He kept his side of the bargain checking various draft statements with me and generally using his influence to produce a statement which turned out to be so weak as to be unacceptable to the Soviets. The result was that the conference stated that it could reach one agreement on Vietnam.

On September 15th, Academician Malek, Head of the Czech Institute of Biology and member of the Central Committee of the Communist party asked me to lunch with him. He said that Czechoslovakia desperately wanted the war in Vietnam to end because it could only retard relaxation of tensions in Europe--a major Czech objective. Moreover, Czechoslovakia wanted no part of a war so far removed from Czechoslovakia.

But

FORM DS-1254
8-61

~~SECRET-NODIS~~

SANITIZED
E.O. 12958, Sec. 3.6
NLJ 97-157
By io, NARA Date 3-22-00

3447-A
98
FS

OPB 20822

~~SECRET-NODIS~~

- 2 -

But the situation was difficult. Czechoslovakia had made an unpublicized effort to urge North Vietnam to negotiate last February; but it had been brutally rebuffed. He did not know whether the Czechoslovak government was prepared to undertake another try. He wanted to know whether the United States sincerely wanted peace.

I replied that though I in no way spoke in an official capacity I was convinced that the United States wanted an honorable settlement based on self-determination for the people of South Vietnam and removing any permanent U.S. military presence from South Vietnam. At the same time, there was no chance that the United States would accept the kind of unilateral settlement urged by the Soviet delegation at the conference--all the less so as the military situation was quite favorable. Malek said that he felt Czechoslovakia should make another peace effort and that he would try to arrange a meeting with senior foreign office officials while I was in Prague the following week.

I arrived in Prague on September 19th accompanied by Doty and Shulman for a discussion of Central European problems with a group of Czech scientists under the auspices of the Czech Institute for World Politics. Snejdarek met us at the airport. I had met Snejdarek in 1964 during the Pugwash conference at Karlovy Vary. I had had many extensive conversations with him then and found him fair and reasonable. Immediately following that conference Snejdarek asked me to give a lecture at his Institute. We have had a lively correspondence since primarily about a discussion group on Central European security. Snejdarek is eager to organize.

On the way in from the airport, Snejdarek said that it was essential that he and I talk that evening after a dinner he was hosting for the American group.

After dinner, Snejdarek made the following points: The next day--September 20th--a high-level Czech delegation was leaving for Hanoi via Moscow. It included the Prime Minister, several Deputy Prime Ministers, the Secretary of the Central Committee and other leading officials. Snejdarek had been authorized by the Secretary of the Central Committee to give me some information and to ask me some questions. He had been chosen as intermediary because the official party wanted to be able to tell Hanoi that it had had no contact with Americans.

The information

~~SECRET-NODIS~~

~~SECRET-NODIS~~

- 3 -

The information Snejdarek wished to convey was as follows: The Czech delegation was leaving for Hanoi with partially conflicting objectives:

- (1) To respond to Soviet and North Vietnamese pressures for increased aid.
- (2) To strengthen the Western presence in Hanoi against Communist China.
- (3) To press as hard as possible for a peaceful solution. This was the reason for the high level of the delegation. To negotiate an aid agreement would not have required the presence of the Prime Minister and so many members of the Central Committee. Only conversations at the highest level could, in the Czech judgment, move the Hanoi government towards negotiations.

Even so, the Czech delegation was not optimistic. There were at least two obstacles to successful negotiations: (a) the Soviet attitude and (b) Hanoi's intransigence.

With respect to the Soviet Union, Snejdarek said that Czechoslovakia could go only so far in risking Soviet displeasure over Vietnam. During the Warsaw pact meetings in Bucharest, Czechoslovakia had got into difficulties with the USSR by urging restraint over Vietnam. The Czech delegation was stopping in Moscow both coming and going from Hanoi. Anything he told me was subject to a Soviet veto for Czechoslovakia could not risk losing Soviet support in Central Europe over Vietnam. The Czechs were not at all sure that the Soviets wanted a settlement of the Vietnamese war. A relaxation of tensions might bring about a loosening of Soviet control in Central Europe which made the Soviets most uneasy.

As for Hanoi, all Czech diplomatic and party reports spoke of extreme intransigence. Moreover, since July the Chinese faction in Hanoi seems again in the ascendant. To alleviate this the Czech delegation contained many individuals who were personally acquainted with second level Vietnamese leaders who had studied in Prague. They were under orders to urge the desirability of peace on their Vietnamese contacts.

Snejdarek

~~SECRET-NODIS~~

~~SECRET-NODIS~~

- 4 -

Snejdarek then said that he had been instructed to put three questions to me and to report my answer to the Secretary of the Central Committee in the morning. (The Czech delegation left at 1500 on 20 September.) These were:

- (1) Was the United States sincere in seeking peace or were the peace offers a smokescreen for continued escalation?
- (2) Was there a role for an intermediary and if so what was it in the American view?
- (3) What were the actual American terms?

I began my answer by stressing my strictly unofficial status. To be sure I had been in Vietnam but my assignment had concerned primarily internal Vietnamese problems. I was not conversant with the details of our position and I had no authority whatever to discuss this problem. I could, however, give him my private impressions.

First, the United States was undoubtedly sincere in seeking an honorable peace. To be sure, the Hanoi proposals were unacceptable--especially Point #3. The United States would make no unilateral concessions--all the more so as the war was on the whole going well. I urged Snejdarek to tell the Czech delegation not to be too impressed by North Vietnamese military claims. On the basis of my own experience in South Vietnam I could assure him that most North Vietnamese claims were absurd. In fact, the military situation was favorable to the United States and improving. If the war continued, escalation was always possible.

Still the United States was sincerely interested in an honorable settlement because it realized that the war would bring a great deal of suffering and because it believed that the vital interests of all parties, including North Vietnam, were not irreconcilable.

As to the question of an intermediary I said that I could see a definite use for such a role. Hanoi was so isolated and so much subject to Chinese pressure that the advice of a well-disposed government could be invaluable. Similarly, I was sure we would welcome receiving any indications of movement in Hanoi's position. As to what an intermediary could do, this could be answered best by considering the actual issues before the parties.

I pointed

~~SECRET-NODIS~~

~~SECRET-NODIS~~

- 5 -

I pointed out that I was in no position to give Snejdarek even the outlines of an American negotiating position. However, I might discuss my personal views about some general principles. At least three issues seemed to me involved in the settlement of the Vietnamese war: (a) an end to U.S. bombing, (b) the withdrawal of troops introduced from outside South Vietnam and (c) the evolution of political life in South Vietnam on the basis of self-determination.

Each of these issues was very complex. No serious person could ask the President to stop bombing the North while North Vietnam infiltrated troops and supplies at an increasing rate and American soldiers were being killed. If, however, North Vietnam de-escalated the war in the South and/or stopped its infiltration from the North a new situation might well arise--as American leaders had often pointed out. It seemed to me less a matter of formal agreements than of deeds.

The withdrawal of outside troops was relatively simpler. I was convinced that the United States would agree to withdraw its troops within a reasonable time of a satisfactory final settlement provided North Vietnamese troops were also withdrawn. I was confident that the U.S. desired no permanent bases in South Vietnam. It was easy to test our sincerity on this point by making a negotiable proposal on the whole complex of the Vietnamese problem.

The most difficult problem, I continued, related to the internal political structure of South Vietnam. No useful purpose would be served by going into details. I did want to make two points, however: (a) the United States was sincerely concerned with bringing about a broadly based democratic government, and (b) Point #3 of Hanoi's four points was absolutely unacceptable. Snejdarek said he, too, thought the point unreasonable but would we accept a coalition government, including the NLF. I replied that without knowing the government position in detail, it seemed to me out of the question.

Snejdarek took his leave at this point and said he would report to the Secretary of the Central Committee first thing in the morning.

On September 20th, the first meeting of the Central European discussion group to be chaired by Snejdarek was scheduled for 10:30. Before the meeting Snejdarek took me aside and said that he had been instructed to ask me three supplementary questions. If I agreed to answer them he would turn over the chair to a colleague and report to the

Secretary

~~SECRET-NODIS~~

~~SECRET-NODIS~~

- 6 -

Secretary of the Central Committee immediately. The questions were:

- (a) If North Vietnam agreed to end its infiltration in return for an end of bombing, what would happen to the United States build-up in South Vietnam?
- (b) What guarantees other than a coalition government were available to prevent the members of the NLF suffering the fate of the Communist party in Indonesia?
- (c) How could the Czechs communicate the results of their Hanoi trip to the United States?

I replied that I was in no position to answer these questions authoritatively. With respect to the American build-up, my personal opinion was that we could not stop resupply and rotation of personnel. Limitations on an increase in the number of troops under the hypothesis outlined by Snejdarek seemed to me an appropriate subject for discussion.

On the question of guarantees for the NLF I said that I understood their concern. The United States would in my view certainly agree to international guarantees. The problem was that while Hanoi was so obdurate it was difficult to get many people to address this problem. However, I was certain that the United States would be very forthcoming in devising schemes for guarantying the safety of NLF personnel. This seemed to me an appropriate subject to be explored by a mediator. This might be done in the context of a reformulation by Hanoi of its Point #3.

As for communicating with us, I suggested contacting our Ambassador Snejdarek said that the Central Committee was most reluctant to do so for two reasons: (a) it believed that it could be most useful by not playing an official role and (b) the channel of contact for the U.S. in Prague was the Foreign Ministry. However, the decisions which we were discussing were reserved to the Central Committee and the Foreign Ministry was not informed in detail. At the same time, the Central Committee wanted no official contact with Americans and it wanted these conversations kept to the smallest possible number of people. Snejdarek suggested that if the Czech delegation had anything positive to report he would send me a telegram to the effect that he wished to discuss matters connected with the Central European study group. I should

then

~~SECRET-NODIS~~

~~SECRET-NODIS~~
- 7 -

then come to Prague. I told him that I would think about it and let him know when I met him in Vienna on October 1st.

Snejdarek then excused himself from the Central European discussion group for three quarters of an hour. He took me aside prior to lunch and said that, subject to a Soviet veto, the Central Committee would try to make additional help to Hanoi conditional on a greater flexibility by Hanoi on the issue of negotiations.

COMMENT

Snejdarek was head of the Czech military mission in Germany in the late Forties. He was in charge of Czech intelligence operations in Germany in the early Fifties [REDACTED]. He is now Head of the Institute of World Politics which is directly under the Central Committee of the Communist party and a member of the Foreign Policy "collegium" of the Czech Council of Ministers.

QUESTION

What--if anything--do I tell Snejdarek on October 1st?

EO 12958 3.4(b)(1)-25Yrs
(C)

Перевод

ГА Киссинджер: fjmcc
(Проектный офис и должностное лицо)
Секретно — Не для распространения

3447-A

Протокол беседы

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ

ДАТА: 23 сентября 1966 года

ТЕМА: Чехословацкие усилия побудить Ханой проявить большую гибкость в переговорах.

УЧАСТНИКИ: А. Шнейдарек, директор Чешского института международных отношений. Прага. 19–20 июля 1966 года.

Генри А. Киссинджер, профессор государственного управления Гарвардского университета.

КОПИИ

Разговор происходил следующим образом: во время Пагуошской конференции в Сопоте я был членом делегации США, наиболее активно пытавшимся помешать попыткам Советской делегации добиться тотального осуждения Соединенных Штатов. Чешская группа по какой-то причине больше всего стремилась

добиться рекомендации для группы нейтральных ученых по установлению фактов посетить Сайгон и Ханой. Я сказал их секретарю, что не буду возражать против этого предложения при условии, что он поможет добиться принятия резолюции, которая была бы «объективной» и не ставила бы крест на Соединенных Штатах до начала расследования. Он выполнил свою часть сделки, согласовав со мной различные проекты заявлений и в целом используя свое влияние для подготовки заявления, которое оказалось настолько слабым, что было неприемлемо для Советов. Результатом стало то, что конференция заявила, что не достигает единого соглашения по Вьетнаму.

15 сентября академик Малек¹, глава Чехословацкого института биологии и член Центрального комитета Коммунистической партии пригласил меня пообедать с ним. Он сказал, что Чехословакия отчаянно хотела, чтобы война во Вьетнаме закончилась, потому что это могло замедлить напряженность в Европе — это главная цель Чехословакии.

Более того, Чехословакия не хочет участвовать в войне, которая велась так далеко от Чехословакии.

Но ситуация была сложной. Чехословакия предприняла непубличную попытку призвать Северный Вьетнам к переговорам в феврале прошлого года, но получила жесткий отпор. Он не знал, готово ли чехословацкое правительство предпринять еще одну попытку. Он хотел знать, искренне ли Соединенные Штаты хотят мира.

Я ответил, что, хотя я никоим образом не выступаю в официальном качестве, убежден, что Соединенные Штаты хотели почетного урегулирования, основанного на самоопределении народа Южного Вьетнама и удалении постоянного военного присутствия США в Южном Вьетнаме. В то же время не было никаких шансов на то, что Соединенные Штаты согласятся на одностороннее урегулирование, к которому призывала советская делегация на конференции, тем более что военная ситуация была вполне благоприятной.

Малек сказал, что, по его мнению, Чехословакия должна предпринять еще одну мирную попытку и что он попытается организовать встречу с высокопоставленными чиновниками Министерства иностранных дел, пока я буду в Праге на следующей неделе.

Я прибыл в Прагу 19 сентября в сопровождении Доти и Шульмана для обсуждения центральноевропейских проблем с группой чешских ученых под эгидой Чехословацкого института мировой политики.

Шнейдарек встретил нас в аэропорту. Я познакомился со Шнейдареком в 1964 году во время Пагуошской конференции в Карловых Варах. Тогда у меня было много обстоятельных бесед с ним, и я нашел его справедливым и разумным. Сразу после этой конференции Шнейдарек попросил меня прочитать лекцию в его институте. С тех пор у нас была оживленная переписка, главным образом по поводу дискуссионной группы по центральноевропейской безопасности, которую Шнейдарек стремится организовать.

По дороге из аэропорта Шнейдарек сказал, что нам с ним было важно поговорить в тот вечер после ужина, который он устраивал для американской группы.

После ужина Шнейдарек высказал следующие соображения: на следующий день — 20 сентября — чешская делегация высокого уровня отправлялась в Ханой

---

¹ Иван Малек (1909–1994) — чехословацкий микробиолог. В 1945 году совершил научную поездку в США и Канаду. В 1962 г. был избран директором Института микробиологии Чехословакии и проработал в нем вплоть до 1970 года. На XII съезде Коммунистической партии Чехословакии в 1962 году избран в ЦК КПЧ, переизбран на XIII съезде.

через Москву. В нее входили премьер-министр, несколько вице-премьеров, секретарь Центрального комитета и другие руководящие чиновники. Шнейдарек был уполномочен секретарем Центрального комитета предоставить мне некоторую информацию и задать несколько вопросов. Он был выбран в качестве посредника, потому что официальная сторона хотела иметь возможность сообщить Ханюю, что у нее не было никаких контактов с американцами.

Информация, которую хотел донести Шнейдарек, заключалась в следующем: Чешская делегация отбывала в Ханюю с частично противоречивыми целями:

(1) Отреагировать на давление Советского Союза и Северного Вьетнама с целью увеличения помощи.

(2) Усилить западное присутствие в Ханюю против коммунистического Китая.

(3) Как можно скорее добиваться мирного решения. Это послужило причиной высокого уровня делегации. Для переговоров по соглашению о помощи не потребовалось бы присутствия премьер-министра и стольких членов Центрального комитета. Только переговоры на самом высоком уровне могли, по мнению Чехии, подтолкнуть правительство Ханюю к переговорам.

Тем не менее, чешская делегация не была настроена оптимистично. Существовало, по крайней мере, два препятствия для успешных переговоров: (а) позиция Советского Союза и (б) непримиримость Ханюю.

Что касается Советского Союза, Шнейдарек сказал, что Чехословакия, заходя так далеко, рискует вызвать недовольство СССР из-за Вьетнама. Во время встреч Варшавского договора в Бухаресте Чехословакия столкнулась с трудностями в отношениях с СССР, призывая к сдержанности в отношении Вьетнама.

Чешская делегация останавливалась в Москве как по прибытию, так и по отъезду из Ханюю. Все, что он мне говорил, подлежало советскому вето, поскольку Чехословакия не могла рисковать потерей советской поддержки в Центральной Европе из-за Вьетнама. Чехи вовсе не были уверены в том, что Советы хотя бы урегулирования вьетнамской войны. Ослабление напряженности могло бы привести к ослаблению советского контроля в Центральной Европе, что вызывало у Советов наибольшую тревогу.

Что касается Ханюю, то во всех чехословацких дипломатических и партийных отчетах говорилось о крайней непримиримости. Более того, с июля китайская фракция в Ханюю, похоже, снова на подъеме. Чтобы смягчить это, в чешской делегации было много людей, лично знакомых с вьетнамскими лидерами второго уровня, которые учились в Праге. У них был приказ убеждать свои вьетнамские контакты в желательности мира.

Шнейдарек затем сказал, что ему было поручено поставить мне три вопроса и сообщить о моем ответе секретарю Центрального комитета утром (Чешская делегация отбыла в 15.00 20-го сентября). Это были:

(1) Были ли Соединенные Штаты искренни в стремлении к миру или мирные предложения были дымовой завесой для продолжения эскалации?

(2) Была ли предусмотрена роль посредника, и если да, то какова она была с точки зрения американцев?

(3) Каковы были на самом деле американские условия?

Я начал свой ответ с того, что подчеркнул свой строго неофициальный статус. Конечно, я был во Вьетнаме, но мое задание касалось в первую очередь внутренних вьетнамских проблем.

Я не был знаком с деталями нашей позиции, и у меня не было никаких полномочий обсуждать эту проблему. Однако я мог бы поделиться с ним своими личными впечатлениями.

Во-первых, Соединенные Штаты, несомненно, были искренни в стремлении к почетному миру. Безусловно, ханойские предложения были неприемлемы — особенно пункт № 3. Соединенные Штаты не пошли бы ни на какие односторонние уступки — тем более что война в целом шла хорошо. Я настоятельно призвал Шнейдарека передать чешской делегации, чтобы она не была слишком впечатлена заявлениями военных Северного Вьетнама. Основываясь на моем собственном опыте в Южном Вьетнаме, я мог бы заверить его, что большинство претензий Северного Вьетнама абсурдны. На самом деле военная ситуация была благоприятна для США. Если бы война продолжилась, всегда была бы возможна эскалация.

Тем не менее Соединенные Штаты были искренне заинтересованы в почетном урегулировании, потому что понимали, что война принесет много страданий, и потому, что верили, что жизненно важные интересы всех сторон, включая Северный Вьетнам, не были непримиримыми.

Что касается вопроса о посреднике, я сказал, что вижу определенное применение такой роли. Ханой был настолько изолирован и настолько сильно подвергался давлению со стороны Китая, что совет благожелательно настроенного правительства мог оказаться бесценным. Точно так же я был уверен, что мы были бы рады получить любые признаки движения в позиции Ханоя. Что касается того, что мог бы сделать посредник, то лучше всего ответить на этот вопрос, рассмотрев актуальные вопросы, стоящие перед сторонами.

Я указал, что я был не в том положении, чтобы изложить Шнейдареку даже в общих чертах американскую позицию на переговорах. Однако я мог бы обсудить свои личные взгляды на некоторые общие принципы. По крайней мере, три вопроса казались мне связанными с урегулированием вьетнамской войны: (а) прекращение американских бомбардировок, (б) вывод войск, введенных из-за пределов Южного Вьетнама, и (в) эволюция политической жизни в Южном Вьетнаме на основе самоопределения.

Каждый из этих вопросов был очень сложным. Ни один серьезный человек не смог бы попросить президента прекратить бомбардировки Севера, в то время как Северный Вьетнам все более интенсивно перебрасывает войска и припасы, а американских солдат убивают. Однако если Северный Вьетнам снизит эскалацию войны на Юге и/или остановит ее проникновение с Севера, вполне может возникнуть новая ситуация, на что часто указывали американские лидеры. Мне казалось, что это вопрос не столько формальных соглашений, сколько поступков.

Вывод войск был бы относительно простым. Я был убежден, что Соединенные Штаты согласятся вывести свои войска в разумные сроки после предоставления удовлетворительного окончательного урегулирования. Северовьетнамские войска также были бы выведены. Я был уверен, что США не желают иметь постоянных баз в Южном Вьетнаме. Было легко проверить нашу искренность в этом вопросе, сделав приемлемое для переговоров предложение по всему комплексу вьетнамской проблемы.

Самая сложная проблема, продолжал я, связана с внутривнутриполитическим устройством Южного Вьетнама. Вдаваясь в подробности, мы не достигли бы никакой полезной цели. Однако я хотел бы сделать два замечания: (а) Соединенные Штаты были искренне заинтересованы в обеспечении широкого, основанного на демократии правительстве, и (б) пункт №3 из четырех пунктов Ханоя был абсолютно неприемлем. Шнейдарек сказал, что он тоже считает этот пункт неразумным, но согласны ли мы с коалиционным правительством, включая NLF¹.

¹ Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (NLF).

Я ответил, что, не зная детально позиции правительства, мне кажется, об этом не может быть и речи.

На этом месте Шнейдарек отклонялся и сказал, что утром первым делом доложит секретарю Центрального комитета.

20 сентября на 10:30 было запланировано первое заседание Центральноевропейской дискуссионной группы под председательством Шнейдарека. Перед началом встречи Шнейдарек отвел меня в сторону и сказал, что ему было поручено задать мне три дополнительных вопроса. Если бы я согласился ответить на них, он передал бы кресло коллеге и немедленно отчитался перед секретарем Центрального комитета. Вопросы были следующими:

(а) Если Северный Вьетнам согласится прекратить свое проникновение в обмен на прекращение бомбардировок, что произойдет с наращиванием сил Соединенных Штатов в Южном Вьетнаме?

(б) Какие гарантии, кроме коалиционного правительства, имелись для того, чтобы членов NLF не постигла участь Коммунистической партии Индонезии?

(в) Как чехи могли бы сообщить о результатах своей поездки в Ханой в Соединенные Штаты?

Я ответил, что не в том положении, чтобы отвечать на эти вопросы авторитетно. Что касается наращивания американской мощи, то мое личное мнение заключалось в том, что мы не могли прекратить пополнение запасов и ротацию персонала. Ограничения на увеличение численности войск в соответствии с гипотезой, изложенной Шнейдареком, показались мне подходящим предметом для обсуждения.

На вопрос о гарантиях для NLF я сказал, что понимаю их озабоченность. Соединенные Штаты, на мой взгляд, безусловно, согласились бы на международные гарантии. Проблема заключалась в том, что, хотя Ханой был настолько непреклонен, было трудно заставить многих людей заняться этой проблемой. Однако я был уверен, что Соединенные Штаты будут очень откровенны в разработке схем обеспечения безопасности персонала NLF. Мне показалось, что это подходящая тема для изучения посредником. Это могло бы быть сделано в контексте переформулировки Ханоем своего пункта № 3.

Что касается общения с нами, я предложил связаться с нашим послом, Шнейдарек сказал, что Центральный комитет крайне неохотно шел на это по двум причинам: (а) он полагал, что это могло бы быть наиболее полезным, не играя официальной роли, и (б) канал связи с США в Праге находится в Министерстве иностранных дел. Однако решения, которые мы обсуждали, были оставлены за Центральным комитетом, а Министерство иностранных дел не было проинформировано подробно. В то же время Центральный комитет не хотел никаких официальных контактов с американцами и хотел, чтобы эти разговоры были доступны как можно меньшему числу людей. Шнейдарек предположил, что, если чешская делегация сможет сообщить что-либо положительное, он пришлет мне телеграмму о том, что он хотел бы обсудить вопросы, связанные с Центральноевропейской исследовательской группой. Я должен тогда приехать в Прагу. Я сказал, что подумаю об этом и дам ему знать, когда встречу с ним в Вене первого октября.

Затем Шнейдарек извинился и покинул Центральноевропейскую дискуссионную группу на три четверти часа. Он отвел меня в сторону перед обедом и сказал, что, при условии советского вето, Центральный комитет попытается обусловить дополнительную помощь Ханоем большей гибкостью в вопросе переговоров.

КОММЕНТАРИЙ

Шнейдарек был главой чешской военной миссии в Германии в конце сороковых годов. Он отвечал за операции чешской разведки в Германии в начале пятидесятых годов [*далее несколько слов зачеркнуто*¹]. Сейчас он возглавляет Институт мировой политики, который находится непосредственно в ведении Центрального комитета Коммунистической партии, и является членом внешнеполитической «коллегии» Совета министров Чехословакии.

ВОПРОС

Что — если вообще что-нибудь — я должен сказать Шнейдареку 1 октября?

Литература

1. Атомный проект СССР: документы и материалы: [в 3 т.] / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. — 1998–2010. — Т. 3. Водородная бомба, 1945–1956. — Кн. 2. — 2009.
2. *Виноградова Л.Д.* Предыстория Пагуошского движения // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. Вып. 2. — СПб.: РХГИ, 2002. — С. 333–344.
3. Вьетнамская война // Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2380343 (дата обращения: 12.12.2024)
4. Директивные указания [Президиума АН СССР] советским делегатам В.Я. Аболтину и Б.С. Емельянову, участвующим в симпозиуме и заседании рабочей группы по вопросам европейской безопасности Пагуошского движения в Марианских Лазнях 13–18 мая 1968 г. // АРАН. — Ф. 2193. — Оп. 1. — Ед. хр. 149.
5. Записка советника президента США по национальной безопасности Уолта Уитмена Ростоу президенту США Линдону Джонсону с ключевыми тезисами доклада Генри Киссинджера после встречи на Пагуошской конференции в Чехословакии // The University of Texas at Austin. Collections: Box 179 National Security File Security File Czechoslovakia, folder 006, doc 012, lbj068b.
6. И сделал лауреатом Ленинской премии американского миллиардера (беседа обозревателя Е. Жирнова с академиком Г. Арбатовым) // Журнал «Коммерсантъ Власть», 16.07.2002. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/332066?ysclid=ll0zi2ies3608560228> (дата обращения: 12.12.2024)
7. *Илизарова С.С.* Бертран Рассел, Петр Капица и ЦК КПСС // Исторический архив. — 1995. — № 1. — С. 134–142.
8. *Капица П.Л.* Задача всего передового человечества (Полемика с Б. Расселом) // Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика: Статьи, выступления. — 3-е изд., доп. — М., 1981.
9. *Киссинджер Г.А.* Ядерное оружие и внешняя политика: Сокр. пер. с англ. / Под ред. и с вступ. статьей д-ра воен. наук проф. ген.-лейт. С.Н. Красильникова. — М., 1959.
10. *Лота В.* Ключи от бездны. Борьба за атомную бомбу. — М., 2023.
11. Пагуошские конференции. Анализ подготовленный для подкомиссии юридической комиссии Сената США по расследованию применения закона о внутренней безопасности и других законодательных положений, касающихся внутренней безопасности (перевод с английского). Типография правительства США. Вашингтон, 1961 // РГАНИ. — Ф. 5. — Описание 35. — Ед. хр. 156. — Лист 8-299.
12. *Понтекорво Б.М.* Атомный проект. Жизнь за «Железным занавесом». — М., 2020.
13. *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). — М.: ИИК «Российская газета», 2006.
14. Отчет Генри Киссинджера описывающий Пагуошскую конференцию и ее вьетнамскую резолюцию, в том числе позицию СССР в отношении политики США во Вьетнаме (на 2 листах) // The University of Texas at Austin. Collections: Box 180 National Security File Security File Czechoslovakia, folder003, doc047, lbjdoc027b.

¹ Вероятно, при рассекречивании документа американские специалисты посчитали, что какая-то информация о персонаже до сих пор еще имеет статус секретной.

15. Отчет о переговорах Генри Киссинджера относительно усилий Чехословакии побудить Ханой быть более гибкими в переговорах от 23 сентября 1966 года // The University of Texas at Austin. Collections: Box 179 National Security File Security File Czechoslovakia, folder002, doc042, lbjdoc098.
16. РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 30. — Ед. хр. 126.
17. РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 398.
18. Рыжов Ю.А., Лебедев М.А. Ученые Академии наук в Пагуошском движении // Вестник Российской Академии наук. — 2005. — Т. 75. — № 6. — С. 491–497.
19. Телеграмма посла США в Чехословакии Джейкоба Динли Бима, передающая информацию от Киссинджера, полученную во время переговоров на Пагуошской конференции в Чехословакии // The University of Texas at Austin. Collections: box179, folder006, doc011, lbj068a.
20. Тимербаев Р.М. К истории планов международного контроля над атомной энергией // Международный симпозиум «Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы)». — М., 2003.
21. Ферми Л. Атомы у нас дома. — М.: Изд-во иностр. лит. — 1958. — 328 с.
22. Хрущев Н.С. Пусть простит меня академик Капица // Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. — М., 1994.
23. «Это сущий ад на земле». 70 лет трагедии Хиросимы и Нагасаки // ТАСС — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/спец/hiroshima> (дата обращения: 12.12.2024)
24. Douglas Martin. Raymond Aubrac, an Exalted Leader of the French Resistance, Dies at 97 // The New York Times, April 13, 2012, Section A, Page 21. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2012/04/12/world/europe/raymond-aubrac-a-leader-of-the-french-resistance-dies-at-97.html> (дата обращения: 12.12.2024).
25. Einstein A. On My Participation in The Atom Bomb Project // Kaizo, 1952. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.atomicarchive.com/resources/documents/hiroshima-nagasaki/einstein-response.html> (дата обращения: 12.12.2024)
26. Einstein A. Über den Frieden. Weltordnung oder Weltuntergang? Hrsg. von Otto Nathan und Heinz Norden. — Neu Isenburg: Abraham Melzer Verlag, 2004.
27. Executive Secretariat, U.S. Department of State, "The Secretary's Staff Meeting, 9:15 a.m. (Monday)," October 12, 1964, Secret // RG 59, Executive Secretariat Briefing Books, Reports, and Minutes, box 1, Secretary's Staff Meetings, August-December 1964.
28. Gowing M. Niels Bohr and Nuclear Weapons // Niels Bohr, A Centenary Volume. — Harvard University Press, Cambridge MA and London, 1985. — P. 268–269.
29. Kissinger H. Ending the Vietnam War: A History of America's Involvement in and Extrication from the Vietnam War. — Simon & Schuster, 2003.
30. Henry Kissinger's (Maybe) Last Interview: Drop the 2-State Solution // POLITICO. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.politico.com/news/magazine/2023/12/02/henry-kissinger-interview-israel-hamas-war-00129374> (дата обращения: 12.12.2024)
31. Nickerson S. Taking a Stand: Exploring the Role of the Scientists prior to the First Pugwash Conference on Science and World Affairs, 1957 // Scientia Canadensis. — 2013. — № 36(2). — P. 63–87.
32. Obermeyer Z., Murray C.J., Gakidou E. Fifty years of violent war deaths from Vietnam to Bosnia: analysis of data from the world health survey programme. — BMJ. 2008 Jun 28; 336(7659):1482–6. doi: 10.1136/bmj.a137.
33. Rotblat J. The Early Days of Pugwash // Physics Today. — 2001. — №54 (6). — P. 50–55.
34. Science, (Anti-)Communism and Diplomacy: The Pugwash Conferences on Science and World Affairs in the Early Cold War. by Alison Kraft and Carola Sachse, eds. — Boston: Brill, 2019. xvi + 356 p.
35. Sherwin M.J. A World Destroyed, Hiroshima and the Origins of the Arms Race. — New York: Vintage Books, 1987. — P. 284.
36. The Einstein Letter That Started It All; A message to President Roosevelt 25 Years ago launched the atom bomb and the Atomic Age // The New York Times. — August 2. — 1964.